

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭТНИЧЕСКОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ)

Статья посвящена культурным ландшафтам Беларуси, эволюционирующим не менее 26 тысяч лет, что связано с изменениями в культурно-географической системе. Они изменялись на протяжении нескольких этапов. Этап – исторически значимый отрезок времени в эволюции, в рамках которого проводятся принципиальные и четко определяемые преобразования, связанные с освоением геокультурного пространства при помощи элементов техносферы. Итогом этапа является качественно новая организация КЛ, самой геокультурной системы. Этапы подразделяются на периоды и стадии.

Постановка проблемы. Процесс взаимодействия человека с природой – процесс активного природопользования (с использованием трудовой деятельности, в отличие от остальных животных; Ю.Н. Голубчиков считает, что труд и есть процесс добывания пищи [3, с.19]. Природопользование моделируемо: использование природно-ресурсного потенциала – трансформация ландшафтов – внесение в природную среду отходов жизнедеятельности. В процессе трансформации природных ландшафтов человек создает культурные ландшафты (КЛ).

КЛ Беларуси эволюционируют не менее 26 тысяч лет, что связано с изменениями в культурно-географической системе. Они изменялись на протяжении нескольких этапов. Этап – исторически значимый отрезок времени в эволюции, в рамках которого проводятся принципиальные и четко определяемые преобразования, связанные с освоением геокультурного пространства при помощи элементов техносферы. Итогом этапа является качественно новая организация КЛ, самой геокультурной системы. Этапы подразделяются на периоды и стадии.

Анализ исследований и публикаций. С появлением на территории Беларуси кроманьонца (неоантропа) начинается история формирования КЛ. С накоплением и культурной переработкой, хранением и передачей информации связывается развитие общества, в частности его техносферы, а в целом – культуросферы. Техногенное воздействие на природу – культурное воздействие. Потребности человека – материальные и духовные являются и культурными потребностями. Для жизни человека, как биосоциального существа, необходима биосоциосфера. В создаваемой при помощи техносферы культуросфере, человек окультурил себя, создал условия для увеличения продолжительности жизни, что

способствовало возрастанию общего умственного потенциала человечества. Культурно влияя (культурное господство), человек стал приспосабливать природу к своим нуждам, создавать «вторую» (квазиприрода), «не дикую», а культурную природу. С этими изменениями связан первый этап превращения естественных ландшафтов в культурные. Этот этап назовем палеокультуросфера (по подобию «палеотехносферы» Р.Баландина [1]), этапом палеокультурного ландшафта (30-8 тыс. лет назад). Важно заметить, что человеческая личность и культура формируются в процессе воздействия на природу. В палеокультуросфере сформировался тип культурного человека, сначала целенаправленно приспособляющегося к ландшафту, а затем — и преобразующего ландшафт. С появлением рода биологические инстинкты (пищевой и половой) были поставлены через табуирование под контроль общества. Человек стал человеком — существом социальным, а через социализацию он начал движение к культуре. Отныне его поступки регулируются не инстинктами, а традициями — обычаями, соблюдение которых делает возможным сохранение социальной группы. Каждое появляющееся на свет человеческое существо должно проходить годами процесс научения жизни в обществе — воспитания, необходимого для осознания своего места и обязанностей в группе, к которой оно принадлежит, овладения соответствующими знаниями и навыками, соблюдение общего интереса, подчинения воле коллектива, его власти, т.е. должно приобщаться к культуре. Активно воздействуя на природу, человек заложил основы культуры, построения техногенного общества, создания своего культурно-географического пространства (системы). Именно кроманьонец начал культурное освоение географического пространства [2, с.10].

Второй этап формирования КЛ проходил при развитии мезокультуросферы (8-5 тыс. лет назад; закономерный итог — мезокультурный ландшафт). Третий этап, этап агрокультуросферы (5-3 тыс. лет назад; «неолитическая революция») увенчан формированием нового типа ландшафтов — агрокультурного ландшафта, развивающегося и на современном этапе. В это время на территорию страны приходят племена, разговаривавшие условно на финно-угорских языках. Вероятно, они привели и прирученную в Предуралье лошадь — мощный фактор преобразования ландшафта. Пришедшие племена индо-европейцев (балты, славяне) завершили «неолитическую революцию». Особую роль в развитии и расширении агроландшафтов сыграли славянские племена, которые (с позиций «кормящих ландшафтов») ускорили ландшафтопреобразование.

Соответственно, итогом эволюции промкультуросферы (на протяжении последних 500 лет) является индустриально-культурный (промкультурный) ландшафт. В ноосферный этап развития (с постиндустриальной стадией) географической оболочки и культуросферы, начавшийся в сер. XX в., формируются новые, преобразуются старые (традиционные) виды КЛ [12, с.7-9].

Изложение основного материала. Возникновение тех или иных КЛ всегда связано с той или иной этнической территорией, особенностями культурного воздействия на ландшафт того или иного этноса, особенностями этнической адаптации (не только морфологической, физиологической, иммунологической, генетической, поведенческой, но и культурной). Соответственно этому можно говорить об этнокультурных ландшафтах. Этнокультурное ландшафтоведение «разрабатывает теоретические представления и методологию исследования культурного ландшафта, изучает географическое распределение тех или иных культурных ландшафтов, их пространственную структуру и организацию, закономерности их развития и динамики» [4, с.109].

Каждый этнос имеет свою территорию (за исключением цыган), язык, традиции, культуру, т.е. имеет свое культурное пространство, которое преобразует в соответствие со своими культурными традициями, свои традиционные ландшафты. Традиционные КЛ – ландшафты, которые наиболее полно отражают в пространстве сущностные особенности определенного этноса, историческое своеобразие его взаимодействия с природой, сложившиеся экологические навыки его хозяйственной организации своеобразие его мировоззрения и миропонимания.

Л.Гумилев в серии статей “Ландшафт и этнос” писал: “Этносы всегда связаны с природными условиями, ландшафтами... Ландшафт определяет возможности этнического коллектива при возникновении, а новорожденный этнос изменяет ландшафт применительно к своим потребностям. Затем наступает привычка к создавшейся обстановке, становящаяся для потомков близкой и родной. Привязанность к ландшафту бессознательно хранится в людях” [цит. по: 4, с.112].

«Принято выделять две разновидности культурного ландшафта, во многом переплетающиеся друг с другом: агросферу и техносферу. Первая — это преимущественно результаты воздействия человека на живую природу – на почвенно-растительный покров и животный мир (поля, сады, пастбища, эксплуатируемые леса, рыбохозяйственные угодья и т.п.). Техносфера представляет собой совокупность всей материальной культуры, внесенной

человеком в неживую природу, всего «встроенного» в нее... Как техносфера, так и агросфера могут существовать в форме реликтов — остатков вещественного труда предшествующих поколений (развалины строений, запущенные парки, залежные земли и т.п.)» [2, с.232].

При этом, КЛ «отражает специфику («культуру») природопользования и духовную жизнь этноса в конкретных ландшафтных условиях. В целом КЛ — это результат длительного взаимодействия человека и ландшафта, происходившего в ходе когерентного развития, и содержит в своей структуре гетерогенные элементы, унаследованные от различных циклов жизнедеятельности человека в ландшафте. КЛ относятся к ландшафтным системам блокового типа, в которых конфигурацию, расположение в пространстве «определяет» природная составляющая. В социально-хозяйственный блок входят: хозяйство, духовная культура, этническое сообщество, поселенческая структура, коммуникации. Блок управления включает: управление и мониторинг. Генезис, размеры и характер функционирования КЛ «определяет» социально-хозяйственный блок...» [7, с.54].

При выделении КЛ существует два подхода. Первый подход — экономический, природопользовательский, когда под КЛ понимается территория, на которой в результате разумной деятельности человека ландшафт приобрёл новые качества по сравнению с прежним своим состоянием. КЛ отличаются высокой производительностью и экономической эффективностью, а также благоприятными условиями для жизни и производственной деятельности населения. Для КЛ характерно отсутствие нежелательных стихийных процессов (эрозия, заболачивание, наводнения, сели, загрязнение воды, воздуха, почвы). КЛ имеет ряд отличительных свойств — разнообразие окружающей среды, высокая производительность всех видов угодий; отсутствие свалок, карьеров. К ним относятся также наличие земель, используемых в природоохранных, ресурсно-оздоровительных, культурно-воспитательных целях. А также благоприятные условия для жизни и труда населения, значительные площади лесов, высокие эстетические качества объектов.

Согласно второго подхода (культурологический, общегеографический, культурно-географический), КЛ — пространственное проявление национальной культуры в различных природных условиях. Это территория, обладающая экологической устойчивостью, отличающаяся культурным и природным своеобразием, устойчивым образом. КЛ — своеобразная биографическая летопись жизнедеятельности населения в определенных ландшафтных условиях в конкретное историческое время, свидетельство материальной и духовной

культуры, создавшего его народа. Понятие «культурный ландшафт» шире понятия «антропогенный ландшафт», т.к. включает природный и антропогенный слои.

Б. Родоман считает «культурными» любые ландшафты, в создании которых люди сыграли значительную роль, а в узком, положительно-оценочном значении – только благоприятные для населения антропогенные ландшафты, которым противопоставляются ландшафты «акультурные» – испорченные. Создание «рационального, удобного, прекрасного культурного ландшафта» Б. Родоман считает главной целью районной планировки [6].

Способы хозяйствования и географическая среда, по мнению М. Левина и Н. Чебоксарова, в значительной степени воздействуют на материальную культуру этносов (типы поселений, жилище, средства передвижения, пища, одежда и др.), т.е. региональные особенности ландшафтосферы определяют региональные способы природопользования, хозяйственную культуру населения. За тысячи лет эволюции человека возникали поразительно совершенные системы взаимоотношений человека с природой, которые принято называть хозяйственно—историческими типами (ХКТ; М.Левин, Н. Чебоксаров), под которыми принято понимать «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в конкретных естественно-географических условиях при определенном уровне их социально-экономического развития» [2, с.35; 11].

Собирательство – подбор ослабевших животных, выброшенной рыбы, упавших плодов, сбор растений, а также охота на первоначальной стадии своего развития (кочевье за стадами животных, когда не охотник, а животные определяют направления миграций) относятся к трудовой, но не относятся к производящей деятельности, если даже для этого использовались палка, дубина, камень. Наряду с «чистым» собирательством широко было распространена некрофагия (трупоядение, [3, с.47], т.к. другие экологические ниши, трофические роли были уже распределены. Более того, на фоне физического несовершенства самого человека, его орудий труда, процветала адельфофагия («поедание братьев», каннибализм [3, с.46]). Дело в том, что мораль производна от типа, характера жизнедеятельности, который, в свою очередь, зависит от множества объективных условий, прежде всего природно-ландшафтных [10, с.123]. Адаптация происходит через фено- и геноакклиматизацию к природно-ландшафтным особенностям. Расселение населения издревле не было случайным – люди всегда выбирали себе наиболее удобные «кормящие ландшафты», «пастбища». Эти «пастбища» формируют

геноструктуры локальных популяций. Особенности питания зависят от культуры, особенностей этнического ландшафта. Этническое традиционное «меню» – определяют генотип. Все живое, за исключением человека «западного образца и его свиньи, питается по определенным законам» [3, с.51]. Прогрессивной является та эксплуатация организма, к которой он наиболее генетически адаптирован многими поколениями. Население существовало в условиях дискретного антропологического покрова. Такой же очаговостью характеризовалось и воздействие человека на природу.

От собирательства ведут начало четыре формы труда – четыре культурных начала (образа жизни), четыре формы социальной организации, КХТ: речная культура рыболовов, охотничья культура, культура земледельцев и культура воинов. Связь различных культурных начал просматривается и в збручевском идоле, «когда столб по своим четырем граням вмещает четыре изображения божеств, среди которых два женских и два мужских начала» [8, с.148]. Согласно описания идола, сделанного Б.Рыбакова, женщина с рогом – богиня охотников, женщина с кольцом – богиня речной культуры, мужчина с соляным знаком – патриарх земледельцев, с конем и копьем – бог воинов. Пятый идол, которого ставил князь Владимир – мог быть покровителем либо кочевых скотоводов, либо покровителем торговли (Купала) [8, с.149].

В условиях материнской семьи первой формой социальной организации стала речная культура, которая была в основном оседлой, хотя могли быть и передвижения семьей на небольшие расстояния по рекам. Перемещения могли быть и при делении семьи, после возрастания ее численности. Развитие речной культуры детерминировано особенностями природы – густота речной сети в то время достигала 0,8-1,0 км/км², озерность – 10%, заболоченность – до 25% (болотные и лесо-болотные). Малые реки дали имена будущим этносам, которые в те времена были, как правило, монокультурны, т.е. они формировались на основе одной «производственной» культуре. Малые реки создавали уникальную возможность использования орудий, которые могли бы обеспечить довольно значительное поступление пищи и прокормить семью. Члены семьи для «лова» плели т.н. «путы», которыми могли перекрывать все русло малой реки. Отсюда понятие путина, т.е. лов рыбы, но и понятие «путь» – речная дорога. Из ивовых прутьев делали «бучи», которые наполняли выловленной рыбой (бутить – наполнять; в строительстве – понятие «бут»). По берегам рек строили дамбы – будины (путины; по-белорусски «будаваць» – строить. [8, с.202-203]. Речная культура в своем развитии прошла этапы: 1) собирательство рыбы по берегам; 2) «лова» и «путь» – начальный этап организации лова рыбы, как

социализированного процесса на мелких и нешироких реках (слово – «с лева»; белор. «мова», «размова» – язык, говорить; от «мо ва» – движение воды; вода журчит, что похоже на разговор); 3) период «лот» (лодка, плот) с использованием средств передвижения по рекам и освоения более крупных водных объектов; 4) период «ва» (путь воды; бел. – вада), период отношения к реке как пути торговли, завоеваний, расселения и др. процессов социализации жизненного пространства.

Как известно, с древности объектами поклонения являются: Огонь, Солнце, Ветер, Вода, Земля («зя мля» – за твердью); отсюда троица: река-земля, огонь-солнце, ветер-воздух. С реками связаны и специфические верования: при матриархате главные божества – водные: Кры, Крива (крыница, крынка, крыша, крыльцо, крыж, крыга), Прия (Проня), Вила, Русалка, Дева, при переходе к патриархату – Крив, Вил, Перун, Див и др. С Берегиней связано понятие «берег» (берег дает спасение, а в открытом водном пространстве поджидает смерть, мор – «море»; «безбрежное море» – море без Берегинь). Понятие «дева» – «дзе ва» – т.е. «где путь», «где вода». Над реками Беларуси возвышается множество холмов с названием Девичья, Девин (отсюда – «дивный», «божественный», «удивительный»). От богинь вил (р. Виляя, г. Вилейка, г. Вильно-Вильнюс, Вильчицы, гидроним Велья) – разви́ка – т.е. разветвление рек, слияние рек, – там, где в дохристианскую эпоху ставили крест («крьж» – сначала на перекрестке рек, а затем – сухопутных путей).

Семья жила поселением (20-25 чел.) у лица реки («улица/вулица»). С этого момента ведет свою историю прирусловый тип расселения. Первыми постройками этого времени были шалаши-буданы. С этой эпохой связаны и другие понятия: «крьльцо» – навес от воды; «крьнь»-«крам» – защищенное от воды место, общее для рода, семьи, где хранятся продукты (отсюда «крама» – магазин, «закрома»; от «крам» – храм, хором – хоромы; «горница» – от «хорница» (хорониться – найти укрытие, убежище; «схрон»). Л.Нидерле указывает на тип жилища – «куча», который, как и «хор» обозначает совместное проживание, имеет соответствие с понятием «кут» (угол). «Кут» – хут – хата. Хать – гать – не только гадить, прокладывать мостки и дороги, но и делать настил (полати). Общее слово «твор» (притвор, двор) – закрытое огороженное место. [8, с.278]. Изба («из ба») – первоначально место выделения молодой пары из совместного проживания в период материнских семейных обычаев.

Род вел себя по материнской линии. Исключался прием чужих. Функции царя (жреца – посредника с богами) принадлежали женщине. Связи поддерживались только с близкими родственными семьями по притокам одной

общей реки, что минимизировало вероятность привнесения новых болезней. Родственные семьи образовывали кланы общие по крови – блаты (отсюда – «болото»: «Всяк кулик свое болото хвалит», т.е. не водоем, а клан, блат). Блат – кровнородственная семья в отличие от племени – потомства, основанного на отцовской семье (племянник – в первоначальном смысле младший соплеменник). С периодом речной культуры связан и обряд захоронения в воде (утопление), в ладьях (отсюда – рака – сосуд для умершего).

Организация труда основывалась на помощи членов семьи (помощь – от мочить; мощь – в соединении с водой и родной земле). С данной культурой связано и понятие: «кормить», «корма» (у лодки), «корм», «кормчий». Распределение «корма» носило случайный характер, связанный с жизнью реки и с невозможностью при больших уловах обеспечить сохранность продукта. В условиях малочисленности семьи и достаточности улова это устраивало. Но в условиях безрыбья, неудач в лове, в межсезонья «рыбоеды» вынуждены были голодать. Как свидетельствуют археологические данные, главной причиной смертности, в рассматриваемое время был голод.

Для уменьшения зависимости от сезонного характера рыбного лова и внесения разнообразия в пищевой рацион, семьи культуры занимались попутно собирательством и охотой в прибрежных лесах и на пойменных лугах. На связь охоты и рыболовства в материнскую эпоху указывает факт существования сказочных русалок как речных, так и лесных.

Хозяйственная деятельность речных культур не могла в силу объективных причин существенно повлиять на экологическое состояние. Минимальные размеры поселений, сам характер природопользования не создавали стрессовости для приречных ландшафтов, хотя сами ландшафты уже окультуриваются (на лугах, где расположены жилища, вытаптываются, выжигаются одни растения, привносятся другие, человек переносит к жилищу камни для очага, для защиты от ветров, сооружает первые гидротехнические объекты – отводные каналы, дамбы, плотины, а также насыпи, валы) – небольшие по площади селитебные (0,05-0,1 га) ландшафтные комплексы – селища (расчеты дают показатель плотности в самом поселении в 300-500 чел./км²). Все отходы были органического происхождения, легко утилизировались. Семья давала около 10 т отходов и нечистот, которые попадали в почву, в реку, частично сжигались. Потребление рыбы семьей не наносило значительного урона ихтиофауне – до 5 т рыбы в год. Минимальным было и потребление энергоресурсов – древесины (поддержание огня в семейном очаге, приготовление пищи, ритуальные отправления; использовался валежник,

лес из буреломов, выловленные из реки деревья, т.к. не было орудий для активной заготовки древесины) – до 250 м³ в год.

В конце позднего палеолита–начале мезолита, согласно расчетам М.Будыко и Р.Баландина, плотность населения варьировала от 5 до 50 чел./100 км², при среднем показателе – 20. Это означает, что на территории Беларуси того времени могло проживать 40-55 тыс. чел., т.е. с начала палеолита до начала мезолита численность населения увеличилась в 10-12 раз, при увеличении средней продолжительности жизни с 18-20 лет до 25-27. При сосуществовании двух основных культур на определенной стадии эпохи, смоделируем ситуацию таким образом, что рыболовов и охотников было, к примеру, 25 и 15 тысяч. Тогда получим, что на среднюю общую длину водотоков того времени – 200 тыс.км приходится 1000 поселений «рыбодов», т.е. на 1 такое поселение приходится около 200 км водотоков, а среднее расстояние между поселениями составляет 6-7 км. При этом наблюдались региональные особенности в расселении речной системы: в Поозерье и Понеманье частота поселений в 2-3 раза была выше, чем в Полесье и в Поднепровье.

Лесная культура. Если первый этап архаического природопользования – освоение рек, то второй – освоение лесов (в определенное время обе культуры сосуществовали одновременно). Этому способствовало господство по всей территории страны лесных и лесо-болотных ландшафтов – лесистость достигала 80-85%. На этом этапе существуют два вида социальной организации: семейная и родовая. Сначала лесная культура охотников была матриархальной. Она начиналась также с «слов», т.е. с собирательства животных – раненых, ослабленных. Затем стали использовать различные системы загонов. Например, одних животных, толпа, вооруженная колами и факелами с огнем загоняла в болота, других – в овраги, в специально отгороженные места, вынуждали сбрасываться с обрывов на камни и т.д. Затем, с увеличением потребностей в пище, развитием орудий труда, стали применять эти орудия.

Лесные племена, даже близких наречий, исходя из разных приемов добычи зверя, специализации охоты и использования орудий труда, имели культурные отличия между собой. Поэтому все стычки между ними основывались не на этническом различии, а на культурном (и в настоящее время противостоят не этносы, а культуры, цивилизации, религии). В отличие от людей речной культуры, у охотников иное распределение пищи. Охотники, добывшие животное, вынуждены были доставлять его в «весь» (т.е. туда, где все – или «стойбище») и только после определенного ритуала приступали к разделу на части, распределению «счастья» (согласно принятым частям). Чтобы охотники,

неся добычу, не были голодны, им по традиции, полагалось освежать добычу, т.е. после потрошения, съесть головной мозг (кроме головы коровы; по тотемным соображениям, например, радимичи, сразу закапывали ее голову), сердце, печень, выпить кровь. Распределение частей добычи зависело от статуса по принципу «доля-недоля», «наделить или не наделить» (понятие счастье связано с понятиями «судьба», «уде.т»; судьба не зависит, а счастье – зависит от статуса; счастье – закон, хотя и установленный людьми). У раздачи (отсюда «удача»), на почетном месте вместе со жрецом были сами удачливые охотники, им доставалось лучшее «счастье». Затем свое «счастье» имели предводители, колдуны, свободные от данной охоты охотники, все полезные сообществу члены. Всех остальных – изгои, пленники – кормили при наличии достатка для основных социальных групп. Только отсутствие членов племени при разделе («без уважительных причин») могло служить препятствием в получении доли («Кто успел, тот и – съел»). Такое распределение пищи закреплялось в обычаях, позволявших выжить племени. У древних славян 25 февраля – скорбный день, когда из жизни могли добровольно уйти «лишние рты» (старики, инвалиды; уход «по традиции», хотя и подталкиваемый более молодыми поколениями; благодарные потомки затем поминуют мертвых и относят их к божественным сущностям).

В отличие от «рыбоедов», охотничья «ячейка» была крупнее численно и насчитывала до 50-100 чел. На одну охотничью общину в 50 чел., необходимо было до 11 т мяса (600 г /чел. в сутки) в год, т.е. площадь охотничьих угодий должна составлять 700-800 км² [2, с.35]. Исходя из этих оснований, численность представителей охотничьей культуры могло быть на уровне 15 тыс. Вероятно, что в охотничьих сообществах средняя продолжительность жизни была выше, чем у «рыбоедов», т.е. на уровне 28-30 лет. Разница в продолжительности женщин и мужчин могла составлять 5-7 лет. При этом, в отличие от современной эпохи, по данным Б.Прохорова, исходя из более высокой смертности среди женщин, их продолжительность была достаточно низкой [10]. Прирост населения был незначителен при значительных коэффициентах рождаемости (30-40% и выше) и смертности (25-35% и выше).

С лесной эпохой связаны и такие понятия как «дорога» («до рога»- путь к месту захвата добычи), «добыча» («до бычи», до быка, т.к. главный объект – крупные травоядные и среди них именно быки), «хозяин» (ходзяин) и др.

В охотничьих обществах отношения родства определялось понятием «братья», т.е. из одного бора (бра/бры), который занимает семья, как самостоятельная хозяйственная единица. Следующая единица – «собратья» или

«сябры»). Близко расположенные кланы, при потере родственных связей, образуют соседи (рядом «сидящие»). Понятия «сбор», «собор» также связаны с лесной культурой.

Люди лесной культуры занимались не только охотой, но и добычей бора, т.е. смолы сосны, идущей на строительство ладей и кораблей (использовали и смолу березы – как жвачку – антисептик, для склеивания) у людей речной культуры. Интересно, что гунны называли Днепр Варом. У белорусов – вар – кипяток. Занимались, как впрочем, и некоторые представители речной культуры, и добычей железа из болотных руд (болотные городища датируются сер. I тыс. до н.э.). Представители данной культуры оставляли после себя уже большие объемы отходов, своей жизнедеятельности, чем люди речной культуры. Если за основу брать подсчеты Б.Прохорова [10, с.44], то общее годовое количество нечистот от сообщества охотников составляло 25-50 т. К ним необходимо добавить объемы рубок леса и кустарников (при прокладывании троп, сооружении засад и проч.; сотни кубов), пищевые отходы (до 2,5-5,0 т) При этом они будут рассеяны по всей территории площадью от 900 до 2000 км². При этом эти нагрузки на ландшафт (до 0,03 т/км² органических отходов) оставались минимальными. Потребление энергоресурсов находилось почти на таком же низком уровне, что и у речных культур – до 400 м³ в год на сообщество. Кроме древесины, у населения Полесья, в качестве топлива потреблялся янтарь.

И у рыболовов и у охотников отмечались общие заболевания – рахит, кариес, деформирующие артриты. Недуги от голода заметнее проявляются у «рыбодов», выше травматизм – у охотников.

Земледельческая культура. Земледелие в Восточной Европе сложилось не позднее IV тыс. до н.э. [13, с.237]. По мере развития земледельческой культуры и выгорания лесов, лесная культура стала уступать место земледельческой. Лес имеет меньше возможностей по содержанию больших семей, поэтому представители лесных («боровых») объединений, если не становились земледельцами, то переходили на свободные «хлеба» – становились «бродниками», «ко(у)щьями», «скитальцами», разбойниками и воинами (казаками). Земледелие могло возникнуть как в речной культуре через освоение пойм рек, так и в лесной, через освоение пожарищ – на горях появляются в первую очередь травянистые злаковые (злаки – «растущие на золе»). Но пойменное земледелие несколько древнее. На это косвенно указывает и факт «прописки» русалок в жите. Рожь – одна из культур, которую начали использовать в пищу речные племена сначала на уровне собирательства, а затем культивировать. Период пойменного и далее подсецкого земледелия –

логическое развитие собирательства растительной пищи, прогресс в заготовке пищевых ресурсов, значительный шаг в ослаблении зависимости от природы. Приблизение к земледельческой культуре привело к изменению традиций питания – земледельцам характерно растительное питание. Рожь, овес, ячмень, репа, огурец, капуста, свекла, морковь, брюква, бобовые, конопля, лен-долгунец – наиболее пригодны для возделывания в условиях Беларуси.

Земледельческая культура закрепляет оседлость. Гарантированность в обеспечении пищевыми ресурсами привело к увеличению численности населения, плотности. С другой стороны, увеличения численности населения требовала сама трудоемкая по характеру земледельческая культура. Первобытные земледельцы жили в поселениях группами от 50-300 до 500 человек. Эти поселения сначала были приурочены к поймам и лесным гарям, затем – к водоразделам. Исходя из данных по численности населения на Земле (I тыс. до н.э. 70-90 млн. чел., II тыс. до н.э. – 130 млн. [10, с.47], региональных особенностей распределения, получим рост численности населения на Беларуси в период с I по II тыс. до н.э. с 150-180 тыс. до 300 тыс. человек, т.е. плотность населения выросла с 0,7-0,9 до 1,5 чел./км². Если в доземледельческую эпоху численность населения регулировал голод, то в земледельческую – болезни (смертность могла достигать до 500% и более). Скученность (до 500 и более чел./км²) людей и домашних животных неизбежно вела к распространению инфекционных заболеваний (от животных предков – малярия, гельминтозы, брюшной тиф; патогенные паразиты – холера; перенос болезней животных на человека – корь, оспа, сыпной тиф). Усугублялась ситуация антисанитарными условиями в аграрных поселках – скопление отходов, загрязнение почвы, подземных и поверхностных почв, воздушного бассейна поселения. У земледельцев была уже более разнообразная пища – при значительном доминировании культурной растительной – продукты охоты и рыболовства, обменные у охотников и рыболовов, собирательства. Земледельцы имели патриархальную социальную организацию, более широко контактировали с представителями других сообществ, что положило начало интернационализации традиционного «меню», интернационализации болезней. Потребление энергии в конце неолита по сравнению с концом палеолита выросло в среднем в 100 раз. Объемы потребляемого леса в условиях подсечно-огневого земледелия шли на десятки тысяч кубометров.

В это время стали активно разрабатываться месторождения полезных ископаемых: глины, пески, валунного материала (производство жерновов), мела, торфа, железных руд (лимонита).

Перманентное движение земледелия от пойм в глубь лесов, на водоразделы, вытеснило семьи охотников на северо-запад страны (охотниками по традиции остались представители финно-угорских племен). Земледелие несло охотникам зло («зола» и «зло»). Но в конечном итоге, культуры охотников и земледелия начинают развиваться параллельно. Об этом свидетельствует христианский праздник (с 1072 г. и никак не связан с датами смерти юных княжичей) святых Бориса (Романа) и Глеба (Давида) в день 2 мая (1-2 мая – праздник языческой Май; союз языческих Бориса (бор) и Глеба (глеб – почва) – союз двух культур, которые долгое время противостояли; календарь, составленный в IV в., начинал свой счет со 2 мая).

Подсечно-огневое земледелие – кропотливо и трудоемко, требует специальных знаний (бел. – «веды»), навыков. Земледельческие процессы многоэтапные, многолетние: производство подсек – «чертей» для усыхания деревьев, обрамление участков (специалист – рама), сжигание высохшего леса на обрамленном месте (палы). Первые земледельцы были похожи на кочевников. Используя и истощив одни уголья, они постепенно переходили на другие земли, покидая старые поселки.

С приходом земледелия появляется проблема сосуществования племен разных культур. Начинается активная ассимиляция. Побеждает земледельческая культура. Рыболовство, охота, собирательство (растений, грибов, птичьих яиц, меда из бортей) становятся вспомогательными производствами, а, следовательно, и их ритуалы, и верования, и другие традиции отходят на второй план. Некоторые термины из разных культур (образов жизни) становились синонимами, например, крынца – радник, другие – антонимами, например, кривда – правда (в значении “закон”; хотя, ранее, не было различия этих законов по сути: “С кривдой жить больно, с правдой – тошно” [8, с.359]. “У каждого своя правда”. Правда – термин земледельцев-солнцеклонников (поклонников Ра), истина – термин речной культуры (“из гины”). Шла борьба (без крайнего антагонизма) за места обитания, за ландшафты, между материнской и отцовской организациями социальной жизни.

Широкое распространение преобразованных ландшафтов связано с переходом присваивающего типа ведения хозяйства в производящий, т.е. когда земля становится средством труда. К железному веку сложились основные виды КЛ: 1) небольшие по площади селитебные – селища и городища с прилегающими постоянными пахотными агросистемами на уровне фаций и подурочищ, расположенные на мысах и стрелках между берегами рек и впадающими в них балками, в ядрах расселения речной культуры; 2) небольшие

по площади селитебные ландшафты с прилегающими агросистемами, расположенные на месте лесных гарей, по опушкам лесов, в ядрах расселения лесной культуры; 3) небольшие по площади селитебные ландшафты с прилегающими агросистемами, расположенные на водоразделах; 4) пахотные на водоразделах; 5) пахотные по опушкам лесов, на месте лесных гарей; 6) пастбищные. Специфическими земледельческими культурно-ландшафтными комплексами являются репищи, конопляники, пенькомочищи, капустники, сады. Проводились гидромелиоративные мероприятия – отвод воды канавами для осушения, создание прудов, дамб, обвалование, уборка камней и др. Формируются и разнообразные сенокосные и пастбищные комплексы: пойменные, низинные, лесные и др.

Военная культура. Война – так же форма организации труда, регулярного, сезонного или временного. Развитие ратного труда уравнивает оседлые и кочевые племена в силу стоящих задач организации обеспечения дружин провиантом, оружием, амуницией и средствами передвижения. Отличие военного продвижения от кочевого образа жизни – походы без женщин, детей и стариков. Ратно-разбойничий промысел, вероятно, всегда у славян сопутствовал другим видам занятий.

Славяне могли выйти из Полесья, попутешествовать вместе с другими народами по Азии и Европе и вернуться к своим истокам, расселившись на значительной территории Европы. Формированию ядра славян, которые через короткое время стали насчитывать многочисленные племена, в Полесье были наилучшие условия с географической точки зрения. Данная территория прекрасно была защищена водно-болотными массивами от внешнего вторжения, вполне может претендовать на роль колыбели славян.

Предопределяющим возникновение этноса является природно-географическая среда обитания, согласно терминологии Л.Гумилева, именно «кормящий ландшафт», природно-географическая среда являются важнейшим и необходимейшим условием начала этногенеза. Широкое распространено мнение, что наиболее благоприятными условиями для этногенезов являются прибрежные равнины между 30 и 45 параллелями. Именно здесь возникли великие цивилизации прошлого в Европе, Азии и Африке. Беларусь расположена между 51°16' и 56°10' и не на прибрежной равнине. «С точки зрения классической этнографии, белорусский «кормящий ландшафт» не является комфортным» [5]. Но, с другой стороны, прародиной племен и субэтносов, впоследствии сформировавших белорусский этнос была девственная природа бассейнов Верхнего Днепра, Припяти, среднее течение Зап.

Двины и верхнего Немана, т.е. территория хорошо защищенная. Вероятно, «положения Гумилева о том, что этносы зарождаются и благополучно существуют только на территории сочетающей два и более типов ландшафтов соответствует природно-географическим условиям формирования белорусского этноса» [5].

До IV в. славяне охватили с запада территорию Беларуси «спадающим» полумесяцем, а затем на протяжении V–VIII вв. полностью заселили. Племенные союзы расселялись в соответствие со своими этно-культурными предпочтениями. Дреговичи—друговиты вместе с древлянами сконцентрировались в древнем ядре славянства – в Полесье и Предполесье, стали осваивать заболоченные ландшафты в подзоне широколиственно-хвойных лесов – главным образом, озерно-аллювиальные, аллювиальные террасированные, озерно-болотные на дерново-подзолистых заболоченных и торфяно-болотных почвах, а также водно-ледниковые на дерново-подзолистых почвах. Кривичи расселились согласно со своими предпочтениями «кормящих ландшафтов» – на глинистых и суглинистых почвах, в подзоне дубово-еловых лесов. Радимичи заняли лессовые и вторично-моренные ландшафты восточной части Беларуси, легко поддающиеся обработке. Карта расселения основных племен славян на территории Беларуси коррелируется с почвенной и ландшафтной картами.

К моменту расселения славян, в связи с изменениями климата, гидрологического режима, на территории Беларуси значительно уменьшились показатели водности – с 13-12 до 4% (в т.ч. озерности, с 10 до 0,5%), заболоченности (вкл. лесо-болотные ландшафты) – с 25% до 15 (под болотами – с 15 до 7-8%). Но при этом показатели лесистости оставались на прежнем высоком уровне – 70-75% и более. Уже в конце I тыс. н.э. стали оформляться типы КЛ: сельскохозяйственные, лесохозяйственные, водохозяйственные, горнопромышленные, селитебные, рекреационно-сакральные.

Архаические горнопромышленные ландшафты были связаны с добычей кремня (крупнейшие в Европе шахты – Гродненская обл.), болотной железной руды (лимонит; более 100 месторождений, около 100 топонимов с основами «руда», «рудня»), строительных материалов (песок, глины, мел, гравийно-валунный материал), торфа. В то время добывалось 7-8 видов ископаемых в 300-500 небольших месторождениях. Но доля этих ландшафтов в ландшафтной структуре была мизерной.

Селитебные ландшафты. К IX в. в Беларуси проживало 600 тыс.чел. (3 чел./км²), к XV в. – более 1 млн.чел. (5 чел./км²), при этом в городах проживало

от 30 до 200 тысяч, т.е. до 5% (значительная часть населения городов занималось сельским хозяйством на прилегающих угодьях, рыбной ловлей). Количество городских поселений в это время составляло от 20 до 100, сельских – от 5 до 20 тысяч (кон. ХУІ в. – 26 городов, 339 местечек, 6 отдельных замков, 706 сел). Первые города были связаны с развитием аграрной культуры, с утилитарными торгово-ремесленными и военно-управленческими и др. потребностями. Кризис лесной культуры также подстегнул развитие городов, как и развитие ремесла и торговли (часть охотников перераспределена в торговлю и ремесло). Увеличение численности населения породило армии людей незадействованных в материальном производстве – ватага разбойников, грабителей, зольных воинов, проституток, торговцев, подстегнуло развитие искусства, образования.

Городские и сельские ландшафты по материалу застройки отличались мало – в основном из дерева по причине его избытка, скорости постройки. Из камня в городах, в начальный период, строились лишь храмы и некоторые административные здания, а затем – и фортификационные объекты. Города были защищены валами и крепостными стенами, имели площадь в 5-100 раз большую, чем сельские поселения. Селитебные ландшафты до ХУ в. занимали до 0,5%. Значительную роль в белорусском национальном ландшафте вплоть до ХІV-ХУІІІ в. играли замки и местечки. Замки являлись каменной стражей страны, до ХІІ-ХІV вв. они были ядрами, стягивающими каркас расселения. Беларусь была страной местечек, т.е. имела такую же селитебную, урбанистическую модель (ХУ-ХУІІІ вв.) как и страны Западной Европы. Местечки – свидетельство успехов ремесла, торговли, в ведении сельского хозяйства, военных походов. Только в условиях излишка денег они могли возникать и развиваться. Уже в сер. ХУІІ в. в городах и местечках жило 8,2% населения Беларуси.

Рекреационно-сакральные ландшафты имеют свою значительную историю. Старейший природоохранный объект – Беловежская пушча – был организован 600 лет назад, в 1408 г. Сакральные объекты существовали при каждом городище, селище – капища с идолами, молельни, жертвенники, кладбища, отдельные священные деревья, рощи, водоемы и т.д. Такие ландшафты, вместе с запретными, могли составлять в разное время от 1 до 10% и более территории.

Доля агроландшафтов варьировалась от 5-8 в конце 1 тыс., до 10-12% в ХУІ – ХУІІ вв. и до 70% к началу ХХ в. при резком уменьшении доли лесов – с 75% до 22% к 1917 г. (Д.Голод, 1997). При этом пашня в структуре агроландшафтов составляла в разное время 30-70% (и даже до 90% и выше перед

первой аграрной реформой Сигизмунда II Августа и Бонны Сфорцы, 1557 г., когда вся Европа питалась на 90-95% растительной пищей; соответственно цены на зерновые были архивысокие).

Воднохозяйственные ландшафты. Беларусь невозможно представить без рек, озер и болот. Беларусь – первый в мире (расцвет в XVI в.) регион бобрового промысла (раньше, чем в Канаде, когда экономика в XVII-XIX в. полностью была построена на промысле бобра; символ Канады и некоторых штатов США, благодаря бобровому промыслу возникли Монреаль, Детройт, Квебек, Чикаго) – мех (шапки из черного бобра носили только сенаторы), струя (парфюмерия). Статут 1588 г. положил начало охране бобров; Березинский заповедник в 1925 г. был создан для охраны бобра. Беларусь – один из центров зарождения мелиорации.

Выводы. Географический образ Беларуси и белорусов вырисовывался через основные ландшафты, в т.ч. болотные. Болота – это и «Геродотово море» и готская страна Оар. Болота влияют на ландшафтные, исторические, социальные, психологические особенности страны и населения, остаются объективной реальностью, это знак, символ Беларуси. Если в фольклоре большинства народов мира болото – создание темных сил, то у белорусов насчет болота иные реакции. Болото – архетип как материальной, так и духовной культуры белорусов. Оно дает спасение от врага – гунны, а затем монголо-татары не смогли преодолеть лесоболотных и болотных массивов, партизаны, начиная с XVI в. и заканчивая войной 1941-1945 г., имели свои базы среди болот. Все белорусские замки-кастели строились с учетом болотных ландшафтов и не просто в низинах, как в Европе, а именно среди болот. Например, Кревский замок построен среди болота, хотя вокруг множество холмов. Лидский замок в XIV в. был захвачен только единожды и то лютой зимой, когда болото замерзло [9, с.79]. Болото является источником кормов для животных, лекарственных трав, заготовки дров, материалов для лозоплетения, торфа, болотной железной руды; это охотничье угодие. Белорусы изобрели даже болотные лыжи. Болотные ландшафты отразились на характере белоруса – осмотрительность: а что если там топь?

За 500 последних лет (главным образом, за 100) эволюции промкультуросферы сформировался индустриально-культурный (промкультурный) ландшафт. Наряду с ним продолжают развиваться значительно индустриализированные сельскохозяйственные, лесохозяйственные, водохозяйственные, горнопромышленные, а также селитебные и рекреационные ландшафты. За 1000-1200 лет культурно-хозяйственной деятельности славян на территории Беларуси (к началу XXI в.) водность уменьшилась с 4,0 до 2,3%, в т.ч.

озерность с 0,5 до 0,01%, заболоченность (включая лесо-болотные ландшафты, с 15% до 11,5; под болотами – с 7-8 до 4,5%).

В настоящее время наибольшее распространение в Беларуси получили сельскохозяйственные и лесохозяйственные ландшафты. Агрландшафты занимают 44,5% территории. Мелнирированные ландшафты занимают 16% территории, в т.ч. в Полесье – осушено 40% заболоченных земель. На лесохозяйственные ландшафты приходится 32,9%, водохозяйственные – 2,3; селитебные – 8,8 (в т.ч. под застройкой 3), горнопромышленные (11 тыс. месторождений 30 видов) и индустриальные (промышленность, транспорт, связь) – 3,8, природоохранные и рекреационные – 2,8% (рекреационные – около 1). В ноосферный этап развития (с постиндустриальной стадией) географической оболочки и культуросферы, начавшийся в сер. XX в., формируются новые, преобразуются старые (традиционные) виды культурных ландшафтов.

Литература:

1. Баландин Р.К. Область деятельности человека: Техносфера. – Мн.: Выш. шк., 1982. 2. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Создано человечеством. – М.: Политиздат, 1984. 3. Голубчиков Ю. Н. География человека. – М.: Едиториал УРСС, 2003. 4. Калущков В.П. Основные методологические принципы этнокультурного ландшафтоведения // Тр. XII съезда РГО. – Т.3. – Спб., 2005. – С.109-114. 5. Кириенко В.В. Природно-климатические детерминанты формирования белорусского этноса и менталитета белорусов // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе / Отв. ред. М.А. Можейко. – Гродно, 2005. – С. 350-356. 6. Немцева Т.И. Культурно-географическая характеристика территории: экологический аспект // Запад России и ближнее зарубежье: устойчивость социально-культурных и эколого-хозяйственных систем. – Псков, 2005. – С. 48-52. 7. Низовцев В.А. История формирования антропогенных и культурных ландшафтов Центральной России // Тр. XII съезда РГО. – Т.2. – Спб., 2005. – С.54-59. 8. Пьянов В.И. Древности славян. – Мн.: МФЦИ, 2005. 9. Ракіцкі В. Беларуская Атлянтыда. Радзё Свабодна Эўропа / РС. – Мн., 2006. 10. Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Социальная экология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издат.центр «Академия», 2000. 11. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. – Изд. 2-е испр., доп. / Отв. ред. акад. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1985. 12. Шарухо И.Н. Основные этапы формирования культурных ландшафтов Беларуси // Запад России и ближнее зарубежье: устойчивость социально-культурных и эколого-хозяйственных систем // Мат-лы. межрегион. общ.-науч. конф. – Псков, 17-18 ноября 2005 г. – Псков, 2005. – С. 7-9. 13. Этнография: Учебник / Под ред. Ю.В. Бромлея, Г.Е. Маркова. – М.: Высш. школа, 1982.

Summary

I.N. Sharukho. Historical-Geographical Aspects of Features of Ethnic Nature Used (on Example of Territory of Byelorussia).

The article is devoted to the cultural landscapes of Byelorussia, evolving no less than 26 thousand years, that related to the changes in the in a civilized manner-geographical system. They changed during a few stages. Stage – historically meaningful span of time in evolution, which the of principles and expressly determined transformations related to mastering of geoculture space through the elements of technosphere are conducted within the framework of. There is the result of stage high-quality new organization of CL, geoculture system. Stages are subdivided into periods stages.